

было 60–70 тетрадей, а в Румянцевском сборнике по частично сохранившимся первым, современным рукописи, сигнатурам их было более 40, причем утрачены начало I тетради, 8 тетрадей в середине и, вероятно, последние, сколько – неизвестно; переводы Максима Грека из Лексикона Суда (или Сви-ды), имевшиеся в сборнике Курбского (о Аврааме, о Мелхиседеке и о Оригене), в Румянцевском сборнике также есть; что касается Слова о Макковеех, то оно, видимо, утрачено вместе с несохранившимися тетрадями. Принадлежность Румянцевского сборника Курбскому, очевидно, могла объяснить тот факт, что его состав в рукописной традиции больше не повторяется, так как книги сбежавшего в Литву князя, по всей видимости, изъятые по приказу Грозного с воеводского двора в Юрьеве, наверняка оказались недоступными для всех посторонних. Впрочем, тот факт, что Румянцевский сборник в конце XVI или в XVII в. был, наконец, переплетен (тогда и появились вторые сигнатуры тетрадей, давшие возможность точнее определить утрату части листов), доказывает достаточно бережное к нему отношение... После своего создания Румянцевский сборник находился в распоряжении Максима Грека, который делал в нем правку. От него-то юный Курбский и мог получить в подарок данный сборник. Косвенным образом это подтверждается тем, что именно своими «тетратками» в особенности дорожил князь.

Н. Л. Пяткова
Екатеринбург

Судьба человека в переломную эпоху (конец XVI–XVII в.)

В основе социокультурной реальности каждого этноса лежат освоенные и отобранные архетипы, принимающие форму стандартов, эталонов, образцов поведения и отношения к миру. Благодаря их взаимодействию, которое может изменяться в различные эпохи, происходит функционирование социокультурных характеристик этноса. В этом контексте выделяется индивидуальное культурное пространство, которое более мобильно, в нем накапливаются механизмы реализации изменений. В стационарные эпохи культурное пространство этноса явно довлеет над пространством индивидуальным, жестко задает его параметры. Но в эпохи переломные возникает ощущение разрушения социокультурного пространства,

© Пяткова Н. Л., 2009

и на первый план выступает индивидуальное культурное пространство, оно становится опорой этнического пространства и переводит его в новое состояние.

Подобные переходные моменты выявляют несколько моделей реагирования на кризис. Наибольший интерес вызывает группа людей с отклоняющимся поведением. Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в российском обществе конца XVI–XVII в., когда старое и новое активно перемешивались в русской жизни. Опричнина, династический кризис, усиление закрепощения крестьянства, неурожай, голод, Смута и иностранная интервенция привели к структурному кризису, смещению ментальных и поведенческих стереотипов. Разрушился извечный порядок, в том числе порядок нравственный. Так, В. Шуйский дважды утверждал перед народом противоположные мнения о личности убитого царевича Дмитрия. Безутешная Мария Нагая сначала оплакала погибшего сына, а затем уверенно признала его в самозванце. Москвичи сначала целовали крест Годуну, потом убили Федора Годунова, а в дальнейшем так же клялись и отрекались от Лжедмитрия, Василия Шуйского, королевича Владислава.

В традиционном обществе почти отсутствовала социальная мобильность, сословный строй и церковь закрепляли два основных жизненных сценария практически для всех слоев общества. Первый – семейно-профессиональный – предполагал, что предки и потомки одной семьи занимают одну и ту же социально-профессиональную нишу, например продолжают купеческий род, род гончаров, род бондарей и т. п. Сменить род занятий и принадлежность к социальной группе было в традиционном обществе затруднительно.

Второй жизненный сценарий – семейно-церковный – предполагал строгую последовательность действий: родился – крестился – женился – получил наследство – родил наследника – крестил его – женил его – отдал наследство. Обратим внимание на важную деталь: наследство человек получал после женитьбы. Женатый рассматривался как положительный и ответственный человек, который не способен на спонтанные, непредсказуемые поступки. Женатый уже не вяжется в какую-нибудь авантюру, не пропьет деньги в кабаке. Конечно, на деле, видимо, довольно часто бывало и по-другому.

Но представления о женатом как о человеке, которому можно доверять, задавали вектор положительного семейного поведения.

Главным воспитательным принципом традиционного общества являлся лозунг «Делай как я», адресованный от старшего к младшему, от отца к сыну, от матери к дочери. Молодые люди не имели права выбора и должны были беспрекословно следовать требованиям родителей и общества. Подобное воспитание формировало конформистское поведение. Конечно, даже большинству современных родителей очень удобно выстраивать отношения с ребенком по командной схеме: родители дают указание, ребенок беспрекословно исполняет его. Но ведь такая привычка, чаще всего вдолбленная в детстве, распространяется и на взрослую жизнь человека. В результате человек сам исключает ситуацию выбора даже там, где она потенциально присутствует, так как подсознательно совершает стереотипные поступки.

В традиционном обществе схеме была подчинена и жизнь детей, и жизнь родителей. Программа, полученная ребенком в детстве, продолжала действовать всю его жизнь. О ее поддержании заботилось и общество в целом, и каждое поколение, входящее в патриархальную семью. В инертном традиционном обществе жесткие программы поведения были оправданы и эффективны.

Большинство молодых людей оказывались неспособными к критическому, аналитическому мироотношению. У них не формировался личностный стержень, способность на поступок и способность нести ответственность за свой выбор. Даже став самостоятельным главой семьи, молодой человек на самом деле довольно редко принимал по-настоящему самостоятельные решения, поскольку консервативные социальные отношения предполагали уже готовые, выверенные поколениями образцы решения той или иной ситуации. Их не надо было выбирать, им надо было просто автоматически следовать.

При сбое социальной программы в поведении одного человека ему на помощь приходило все общество. Конечно, лидеров подобная система воспитания не готовила, для стабильности общества в целом этого не требуется и сегодня. Лидеры традиционного общества как раз и были результатом сбоев стандартных программ поведения.

Изменение ментальных и поведенческих стереотипов в переходную эпоху мы можем исследовать, опираясь на ряд художествен-

ных произведений XVII в., которые представляют нам русских людей переходного времени такими, какими они были в действительности. Эти произведения свидетельствуют, что в рассматриваемый нами переломный период появился обширный слой молодых людей, которые по старому жить не хотели, а по-новому не умели. Известное произведение XVII в. «Повесть о Горе-Злосчастье» показывает нам этого нового героя – «доброего молодца». Его безымянность (автор повести везде величает его «добрым молодцем») – это прием типизации, таких добрых молодцев в XVII в. стало так много, что их необходимо было осмыслить как новое социальное явление. Родители пытались привить доброму молодцу стандартные традиционные ценности. Но отрок потребовал свою долю наследства и не пожелал жить по родительским заветам. Получив внушительную по его меркам сумму денег, он отправился развлекаться. Наш добрый молодец в качестве мест развлечения имел только одно – кабак. Именно туда он пошел. Слово «кабак» что слева направо, что справа налево читается одинаково. В смысловом контексте это означает: «вход есть, а выхода нет». Доброму молодцу в кабаке понравилось: публика обращалась с ним на равных, многие просили купить им выпивку и назывались его друзьями. Но деньги кончились, и друзья тоже вмиг куда-то подевались. После голодных скитаний добрый молодец попал в семью, которая дала ему работу, помогла скопить денег на женитьбу. Но накануне свадьбы наш герой, поддавшись на уговоры знакомцев, опять отправляется в кабак, где пропивает все свои сбережения и все, что было на нем надето. Там наряжают его в одежду пьяницы и бродяги – гуньку кабацкую. В финале сидит несчастный скиталец на берегу ручья и недоумевает, за что же ему такое горе-злосчастье.

В традиционной культуре юноша имел право на отцовское наследство только после женитьбы. Женатый человек считался совершеннолетним и ответственным – на его плечах была семья, о которой именно он теперь должен был заботиться. К человеку, который вовремя не женился, доверия не было, ведь у него «все не как у людей». Наш добрый молодец по старому жить не захотел, он умудрился получить свою долю до заключения брака и, не обремененный обязанностями, пропил все деньги. Судьба дала ему второй шанс стать «таким, как все», но и его он упустил.

Попробуем разобраться в его проблеме. Воспитываясь в жестком подчинении и, видимо, не имея особых природных задатков, юноша не получил возможности выработать собственную жизненную позицию, в нем не сформировался тот нравственный и идеологический стержень, который отличает сильных людей, в нем нет «самостоянья» (А. С. Пушкин) личности. В результате его характер представляет собой социально-культурную мимикрию: добрый молодец всегда таков, какова среда, в которую он попадает. В кабаке он плохой, а у добрых людей становится добропорядочным человеком. Выбор за него делает сама среда. Он не научен сопротивляться среде и даже не способен ее оценить.

Судьба инфантильных добрых молодцев, в которых силен разрушительный дух протеста, но которые не научены творческому созиданию собственной жизни, плачевна во все времена. В XVII в. единственным приемлемым выходом из жизненного кризиса для масс таких добрых молодцев стал монастырь. Однако монастырская жизнь в контексте эпохи далеко не всеми уже рассматривалась как самая достойная и уважаемая. Про человека, ушедшего в монастырь от безысходности, можно было сказать, что он «уже не жив, но еще не мертв».

Но тот же XVII в. показывает нам и другой пример. В исключительных случаях человек, способный принимать нестандартные решения, мог стать хозяином своей судьбы. «Повесть о Фроле Скобееве» показывает нам молодого человека – сироту, обедневшего дворянчика, фактически выпавшего из своей социальной группы. В обществе, где продвижение по социальной лестнице зависит от происхождения и родственных связей, Фрол Скобеев вместе со своей младшей сестрой, находящейся у него на иждивении, фактически обречен на прозябание. В голове «маленького человека» выстраивается фантастический план, и, самое главное, Фрол находит способ его осуществить – жениться на боярской дочери Аннушке, самой знатной невесте в округе. Правда, для этого ему приходится прибегать к шантажу и обману. Но не будем забывать, что речь идет о молодом человеке, не захотевшем жить по старому и *захотевшем научиться* жить по-новому. Поэтому ошибок было не избежать.

План Фрола Скобеева, казалось, был практически невыполним. Само происхождение героя повести было недостаточно знатным и

материально обеспеченным для того, чтобы свататься к боярской дочери. В «Сказании о молодце и девице», например, боярская дочка называет сватающегося к ней молодого человека «дворянином-оборванцем», «деревенской щеголиной» и всемерно подчеркивает, что он ей не ровня. Н. Л. Пушкарева особо отмечает, что в XVII в. отношение к мезальянсам в Российском государстве было однозначно отрицательным, а в актах свидетельств о таких браках упоминания нет¹.

Молодой человек не мог запросто посвататься к богатой невесте, поскольку брак боярской дочери чаще всего устраивал ее отец, именно он выбирал ей будущего мужа. Более того, Фрол вряд ли вообще мог познакомиться с Аннушкой до заключения брака, так как боярские дочери в XVII в. воспитывались затворницами, и их знакомство даже с реальным претендентом на их руку и сердце до венчания было маловероятно. Единственный путь к осуществлению авантюрного плана – это знакомство с нянюшкой Аннушки. Фролу Скобееву повезло, нянюшка оказалась жадненькой до его подарков.

Фрол Скобеев воспользовался тем, что Аннушка пригласила знатных девушек, в том числе и сестру Фрола, на девичник. Молодой человек переоделся в девичий наряд и тоже явился в гости. Для этого требовались не только смекалка и хитрость, но и достаточная смелость, ведь ему грозила значительная опасность в случае разоблачения. Без помощи нянюшки было никак не обойтись. И все-таки, применив нестандартные решения, предприимчивый Фрол Скобеев не только женился на боярской дочери, но и добился признания этого брака родителями Аннушки (последние хотели объявить брак недействительным).

Автор повести явно благоволит к не очень честному поведению своего героя, восторгается тем, что в любой, казалось бы, безвыходной ситуации Фрол Скобеев находит решение. Не будем судить героя-проходимца. В переходную эпоху от Руси Московской к петровской России именно подобные герои оказались наиболее востребованными, именно они и строили новую Россию – сам Петр I (воспитывавшийся матерью в весьма вольном духе), А. Меншиков и другие «птенцы гнезда Петрова».

---

¹ См.: *Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница.* М., 1997. С. 18.

Переломные моменты в жизни общества всегда выявляют несколько моделей реагирования на кризис. Наиболее адаптированными к изменившейся социальной ситуации оказываются те, у кого уже есть опыт жизни вне коллективной социокультурной среды. Во все смещенные эпохи из группы аутсайдеров выделяются люди, которые начинают продуцировать новое культурное пространство, причем продуцируют его из себя.

Фрол Скобеев в силу обстоятельств оказался аутсайдером, сиротой из обедневшей семьи, а большинство аутсайдеров великолепно приспособлены к самостоятельному существованию, они самодостаточны. И в моменты, когда происходит ломка привычного социокультурного пространства, эти люди оказываются в более удачном положении. Именно группа самодостаточных аутсайдеров начинает формировать новое социокультурное пространство и захватывает в нем ключевые позиции.

Е. М. Юхименко

Москва

Один из первых старообрядческих учителей священник Лазарь: уточнения к биографии

Старообрядчество, в особенности раннее и связанное с Сибирью, было одной из любимых тем Анатолия Тимофеевича Шашкова. Старцы Далмат и Авраамий Венгерский, протопоп Аввакум и многие другие противники церковной реформы стали объектами исследования талантливого и, к сожалению, рано ушедшего от нас ученого.

На протяжении нескольких лет был связан с Сибирью активный деятель раннего старообрядчества священник из г. Романова Лазарь: почти четыре года он провел в тобольской ссылке. Хотя в общих чертах деятельность попа Лазаря известна, сочинения его опубликованы, существует словарная статья о нем¹, однако рассмотре-

---

¹ См.: Панченко А. М. Лазарь // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 214–217.